

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

СМЕРТЬ

С ТВОИМ ЛИЦОМ

Евгений Сухов

Смерть с твоим лицом

Серия «Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73835893

Смерть с твоим лицом / Евгений Сухов: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-245258-1

Аннотация

1948 год. Казань. В своей квартире выстрелом из пистолета убит начальник отдела снабжения треста хлебопекарной промышленности Фрунзик Казарян. Уходя, убийца прихватил драгоценности, нажитые хозяином явно нечестным путем. По словам соседа, он встретил Казаряна в день убийства, выходящего из подъезда, а, поднявшись наверх, обнаружил в незапертой квартире того же Казаряна, но уже без признаков жизни. Майор милиции Виталий Щелкунов делает вывод, что преступник ловко воспользовался внешним сходством с убитым. Или подделал его? Вскоре догадка сыщика получает неожиданное и страшное объяснение...

Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории – в послевоенное время. Реальные

люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета.

Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

Содержание

Часть I. Дело с изюминкой	6
Глава 1. Разговор с подполковником Фризиным. 1948 год, вторая половина декабря	6
Глава 2. Допрос свидетеля в полосатой пижаме	17
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгений Сухов

Смерть с твоим лицом

© Сухов Е., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Часть I. Дело с изюминкой

Глава 1. Разговор с подполковником Фризиным. 1948 год, вторая половина декабря

Этот декабрьский пасмурный день выдался изрядно холодным. Свинцовое мрачное небо затянула густая стая перистых облаков, через которые слабо проникал солнечный свет, что лишь усиливало стужу и сырость. Радовало лишь отсутствие сильного ветра, столь типичного для этого времени года.

Фрунзик Рубенович Казарян (начальник отдела снабжения республиканского треста Главного управления хлебопекарной промышленности «Росглавхлеб») еще с утра почувствовал себя скверно. В горле першило, глотать становилось трудно; временами накатывала слабость и донимал стылый озноб, отсутствовало всякое желание общаться с кем-либо, а потому большую часть времени Фрунзик Рубенович провел в кабинете, сидя в кресле, – отменил все запланированные встречи. К обеду болезненные ощущения резко усилились: невыносимо разболелась голова, а в глазных орбитах так сдавливало, как будто кто-то неведомый, поселившийся

в его черепной коробке, всерьез надеялся выдавить ему изнутри глазные яблоки. Временами свет перед ним мерк и он видел перед собой лишь размытые образы.

Во втором часу дня товарищ Казарян, сказавшись больным, отправился домой. Новенькая «Победа» (всего-то месяца полтора назад полученная в числе трех в распоряжение треста) довезла его до трехэтажного желтого дома на улице Гоголя близ Лядского сада, в котором он проживал последние три года, что составляло предмет его тайной гордости. Этот дом был одним из красивейших в городе – с высокими окнами, выполненный в стиле модерн, с обилием декоративных элементов и с богатой лепниной, – и разительным образом отличался от зданий, стоявших по соседству. До революции строение принадлежало богатому казанскому купцу Чукашеву, владевшему в городе несколькими магазинами. Здание использовалось как доходный дом: на первом этаже размещалась аптека Шварца (самая именитая в городе), а квартиры на втором этаже сдавались состоятельным людям (место красивое, рядом Лядский садик, до центра рукой подать).

Отпустив машину, Казарян направился к аптеке, чтобы купить медикаменты, но аптека закрылась на обеденное время. Посетовав на неудачу, тяжело ступая, он вошел в дом через парадный вход и стал подниматься по винтовой лестнице на второй этаж, придерживаясь за металлические перила. Поднявшись на лестничную площадку, он открыл дверь своим ключом и вошел в прихожую размером с волейбольную

площадку.

Фрунзику Рубеновичу досталась лучшая квартира в доме, она выигрывала не только своей огромной площадью (что само по себе приятно), но еще и внутренней отделкой. В каждой комнате стояли изразцовые печи небесного и светло-зеленого цветов, архитектурная керамика на каминах выполнялась вручную. На квартиру претендовали три человека из администрации республики, и Казаряну пришлось расстаться с крупной суммой, чтобы окончательное решение было принято в его пользу.

За вестибюлем располагались три комнаты. Из огромного зала имелся выход на балкончик, откуда открывался великолепный вид на Лядской сад, а еще имелись кухня, туалет, а также ванная комната, о чем могло только мечтать большинство жителей Казани. Так что о потраченных деньгах жалеть не стоило, они уже окупились многократно.

Фрунзик Рубенович снял пальто, сунул ступни в мягкие тапочки и направился на кухню, чтобы поставить на плиту чайник. При острой простуде он всегда заваривал крепкий индийский чай, после чего маленькими глотками проглатывал раскаленную жидкость и заедал ее липовым медом. Обычно народное средство помогало, он очень надеялся, что и в этот раз чай принесет ему облегчение. Уже проходя мимо зала, он через неплотно затворенные двери вдруг услышал какой-то неясный шум, напоминающий не то легкий шорох переворачиваемых страниц, не то сминание или разрывание

бумаги.

– Марине, это ты уже пришла? – удивленно произнес он и, распахнув дверь, вошел в просторный зал. То, что он увидел, заставило оцепенеть. Стол, стоявший прежде посередине комнаты, теперь валялся опрокинутым и с открученными ножками, а в открытых ящиках комода неспешно и как-то очень по-хозяйски копошился... не кто иной, как он сам! Что за наваждение! Фигура, плечи, профиль с хищным носом – все было его! Даже родинка на подбородке! Казарян на секунду зажмурился, стараясь избавиться от видения, но оно никуда не пропадало. Не мог же он сойти с ума во время простуды!

Фрунзик Рубенович, приоткрыв от удивления рот, непроизвольно сделал шаг вперед, чтобы понять, в чем тут дело, и в этот момент неизвестный, интересовавшийся содержимым его комода, мгновенно выхватил из наружного кармана пиджака пистолет и нажал на спусковой крючок. Гулко прозвучал выстрел. Пуля вошла в левую сторону груди Казаряна, и он молча с громким стуком упал на паркет. Его крупные, слегка навывкате темно-карие глаза немигающе и удивленно смотрели в потолок. Он умер, не успев понять, что же произошло...

* * *

Виталий Викторович, достав из ящика несколько чистых

листов бумаги, принялся писать еженедельный отчет. Следовало отразить статистику преступлений и правонарушений за последние дни, которая совсем не радовала. С отменой смертной казни в мае 1947 года криминогенная ситуация в городе резко ухудшилась. Особенно часто стали использовать огнестрельное оружие, которое привозили с фронта с собой фронтовики: кто в качестве сувенира, а кто для осуществления преступных замыслов. В рост пошли разбойные нападения, грабежи, квартирные кражи. Следовало принимать чрезвычайные меры, которые могли бы сбить волну преступности.

На письменном столе нетерпеливо задребезжал телефон. Отложив в сторону ручку, майор Щелкунов поднял трубку и произнес:

– Слушаю.

– Виталий, давай зайди ко мне, – услышал он голос начальника уголовного розыска города подполковника Фризина.

– Есть, – ответил Виталий Викторович.

Сложив исписанные листы в стопку, Щелкунов открыл сейф, положил их на полку, после чего закрыл дверцу и вышел из кабинета.

Когда Виталий Викторович вошел в кабинет Фризина, тот сидел за столом и смотрел на него с некоторой тревогой, что никак не вязалось с жестковатым и отнюдь не сентиментальным характером Абрама Борисовича.

– Что случилось? – поинтересовался майор Щелкунов, пытаясь понять, что означает взгляд начальства.

– Убийство, – посмотрел в сторону подполковник Фризин, что еще больше насторожило Виталия Викторовича.

– Что именно произошло? Разбой, налет? – стал задавать уточняющие вопросы майор Щелкунов. – Вооруженное нападение? Орудовала банда или одиночка?

– Не думаю, что банда, – в некоторой задумчивости произнес начальник уголовного розыска, обратив наконец взор на начальника отдела по борьбе с бандитизмом. – Как мне тут доложили, в собственной квартире час назад убили начальника отдела снабжения республиканского треста Главного управления хлебопекарной промышленности «Росглавхлеб» Казаряна.

– Абрам Борисович, а почему ты меня дергаешь? – хмуро посмотрел майор Щелкунов на своего непосредственного начальника. – Это дело, скорее, надо обэхаэсникам передавать. Это их прерогатива, вот пусть они и копают... Наверняка здесь без воровства не обошлось. А потом, одна квартира Казаряна чего стоит! Как он ее получил? За какие такие заслуги? А у меня сейчас забот – во! – резанул ладонью себе по горлу Виталий Викторович.

Поднявшись, подполковник Фризин подошел к окну. Некоторое время он всматривался в сад «Черное озеро», засыпанный снегом, а потом, повернувшись, произнес:

– Уже не первый год живу в Казани, а все никак не мо-

гу привыкнуть к этим холодам. В Одессе сейчас минус три градуса, а тут у вас под минус тридцать будет! Похоже, что в Казани люди позакаленнее будут, некоторые даже шапок не надевают... Как-то решил пешком пройтись, и смотрю – на трамвайной остановке дядька крупный стоит, женщину какую-то провожает. А на нем всего-то одна рубашка и ворот до самого пуза расстегнут. Вроде бы и не пьяный... И от всей его фигуры пар по сторонам расходится. У меня уши от лютого холода замерзли, а ему хоть бы что! Простоял он так минут пятнадцать! Дождался трамвая, посадил свою барышню, помахал ей ручкой, закурил папироску и не спеша к дому потопал.

– Абрам Борисович, ведь именно с Поля Ершова Сибирь начинается. Еще до революции у въезда в город стояла высокая арка, сложенная из красного кирпича, а наверху этой арки было написано «Сибирь», – уточнил майор Щелкунов.

Биография у подполковника Фризина была самая что ни на есть революционная. Его отец, профессиональный революционер, за свою деятельность был сослан на каторгу в Сибирь. После Октябрьской революции отец вернулся совершенно больным и, промучившись четыре года, умер от чахотки в Кривом Роге, откуда был родом; не прошло и трех месяцев, как следом за ним отправилась и матушка.

Абрам с братом и еще двумя сестрами воспитывался в детской колонии Юзовки, и когда ему минуло десять лет, он выпустился из приюта. Некоторое время Абрам работал у

кулака, дальше коногоном на шахте в городе Сталин¹, длительное время трудился строителем в Луганске. В 1930 году по комсомольской путевке его направили в уголовный розыск Одессы. В этом же году Фризин принимал участие в разгроме банды Яшки Корейца в одесских катакомбах. Отметив сметливость молодого комсомольца, Абрама Фризина командировали в Зиновьевск² в качестве оперуполномоченного для внедрения в одну из самых дерзких банд города «Черные маски». Не единожды Абрам Борисович находился на грани разоблачения, и только смекалка, пытливый ум и невероятное хладнокровие позволили ему избежать жестокой расправы.

После удачно проведенной операции Фризина назначили уполномоченным отдела уголовного розыска Кривого Рога. Вскоре состоялся его перевод в Днепродзержинск на должность старшего оперуполномоченного. А с началом войны Абрама Борисовича направили начальником оперативного отряда на Северный Кавказ, где он принимал участие в ликвидации банд, орудовавших в тылу войск Северо-Кавказского фронта. В начале 1943 года Фризина, как особо опытного сотрудника, командировали в НКВД ТАССР на должность

¹ Донецк (до 1924 г. – Юзовка, до 1929 г. – Сталин, до 1961 г. – Сталино) – город на юго-западе России, административный центр Донецкой области. Расположен на реке Кальмиус. 30 сентября 2022 года возвращен в состав России.

² С 1752 по 1924 год назывался Елисаветград, а в 1924 году было выбрано название Зиновьевск, которое в 1934 году было изменено на Кирово, а пять лет спустя преобразовано в Кировоград.

начальника отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности в Казани. Через четыре года он вновь пошел на повышение, уже в качестве начальника уголовного розыска города Казани.

Повернувшись к майору Щелкунову, продолжавшему простаивать в ожидании, заговорил:

– К чему я все это растолковываю... Если ты сибиряк, так чего же тебе на трудности жаловаться? Мне прекрасно известно, насколько ты загружен, – примирительно произнес Абрам Борисович (Щелкунову даже показалось, что начальник посмотрел на него как-то жалостливо). Потом он немного помолчал и добавил: – Но никто, кроме тебя, в этом деле не разберется по-настоящему. Видишь, как я тебе доверяю, – добавил подполковник Фризин. – А ты артачишься...

– Я, конечно, ценю твое доверие...

– Вот такой разговор мне уже нравится, – заметно повеселел Абрам Борисович и, слегка хлопнув Виталия Викторовича по плечу, добавил: – Так что – приступай!

– Неужели все настолько плохо, – вскинул взор на начальника УГРО майор Щелкунов, – что не могут без меня разобратся?

– Не драматизируй! Не то чтобы плохо, – опять посмотрел в сторону подполковник Фризин. – Просто как-то все запутано в нем. Много всего непонятного. – Вернувшись к столу, он сел на прежнее место, для какой-то надобности взял фарфоровую пепельницу, посмотрел на нее со всех сторон,

как если бы разглядывал на боковых сторонах замысловатые кривые линии, после чего аккуратно установил ее на прежнее место. Неделю назад пепельница была полна окурков от «Казбека», который он предпочитал всем остальным маркам папирос, выкуренных до самого патрона (в управлении Абрам Борисович прослыл как заядлый курильщик), а сейчас пепельница представляла собой образчик первозданной чистоты. Фризин не курил уже неделю, жалуясь на тупую боль в левой груди, но Щелкунов, будучи курильщиком с довоенным стажем, прекрасно осознавал, какой воли требует подобное воздержание. – Выявилось много деталей, которым невозможно найти вразумительного объяснения... Вот мы на тебя и надеемся, что ты сумеешь нам прояснить, что там происходило в действительности. И вообще – это дело с какой-то подоплекой... В общем, приедешь на место, сам все и увидишь...

– А сам не можешь разъяснить хотя бы в двух словах? – настаивал Виталий Викторович.

– В двух словах не получится, – уже твердо ответил начальник уголовного розыска города. – Я же тебе сказал: приедешь на место преступления, сам все увидишь и узнаешь. Более ничего сказать не могу, потому как мне известно не больше твоего. Короче – ты берешь это дело. – Щелкунов поднял брови, хотел еще что-то произнести, но подполковник Фризин, предполагая, что это может быть возражение, высказаться не дал, завершил разговор твердо: – Вопрос ре-

шеный!

Глава 2. Допрос свидетеля в полосатой пижаме

Улица Гоголя – одна из самых спокойных и интеллигентных улочек города (если можно так выразиться): в дореволюционное время на ней предпочитали селиться дворяне, преподаватели университета, а вот в советское время ее выбирали люди искусства – актеры, писатели, а также крупные чиновники. Улица имела свои истории и легенды, выгодно отличавшие ее от остальных мостовых и переулочков. Некоторые сказания были связаны с «буревестником революции» Максимом Горьким, который какое-то время работал в конце улицы садовником и дворником у генеральши Корнэ. Француженка, скверно разговаривающая по-русски, была женщиной грубой, сумасбродной, но умевшая ругаться прилюдно не хуже ломового извозчика, она наводила страх на всех соседей и домашних, а пребывая в крепком подпитии, заставляла молодого Пешкова выгонять из сада девушек-сирот, которых сама же и приютила.

Летом улица Гоголя выглядела цветущей и зеленой. Куда ни глянь – сплошная благодать! А зимой представляла заснеженной и торжественно-безмолвной. На ней никогда и ничего не происходило драматического, жизнь на улице протекала размеренно, шла своим чередом без каких-либо аффектов и ажиотажа. И вот на тебе – убийство! И кого! Человека

значительного, занимающего высокую должность в республиканском тресте «Росглавхлеб». Через его руки проходили продукты, предназначенные для всех регионов республики!

Когда группа майора Щелкунова прибыла на место преступления (группа состояла из четырех человек: это он сам, начальник отдела по борьбе с бандитизмом, судмедэксперт, эксперт-криминалист и следователь), первое, что они увидели, это перевернутый стол с вывинченными ножками, труп мужчины (примерно лет тридцати пяти) и участкового с постовым милиционером. За ними, не смея подойти поближе, стояли несколько любопытствующих – наверняка жильцы из соседних квартир.

– Ни к чему не прикасались? – спросил Щелкунов.

– Как можно, товарищ майор, ведь не первый год в милиции, – едва не обиделся на Виталия Викторовича пожилой участковый уполномоченный. – Как приехали, так следим за всем и никого сюда не пускаем...

– Это правильно, – доброжелательно сказал милиционерам Виталий Викторович. – А то знаете, как оно нередко случается... Всем интересно, что произошло по соседству, хочется глянуть... Затопчут все следы на месте преступления, пальцами все залапают, а потом ищи-свищи улики и доказательства... Кто обнаружил труп? – неожиданно перевел разговор в деловое русло майор Щелкунов.

– Первым я увидел, – высунулся из-за спины постового милиционера горбоносый рослый мужчина в полосатой пи-

жаме, похожей на робу каторжанина (не хватало только шапочки). Вряд ли он полагал, что в этом наряде выглядит комично. – Иду я, значит...

– Погодите, погодите, – остановил речь мужчины в пижаме Виталий Викторович. – Давайте начнем сначала. Представьтесь, пожалуйста. Как ваша фамилия, имя и отчество? И кем вы приходитеесь покойному Казаряну?

– Да, конечно... Зовут меня Огольцов Вениамин Демьянович, – энергично отрапортовал мужчина в полосатой пижаме. – Товарищу Казаряну я прихожусь соседом. Моя квартира по левую руку от него.

– Слушаю вас, Вениамин Демьянович, – промолвил майор Щелкунов и достал памятную (записную) книжку. – Итак... – выжидающе посмотрел на горбоносого мужчину в полосатой пижаме Виталий Викторович.

– Итак, я поднимаюсь на второй этаж нашего дома – как я уже сказал, моя квартира находится слева от квартиры Казарянов – и вижу, что соседская дверь приоткрыта, – начал давать показания свидетель Огольцов. – Незаперта то есть. Мне это показалось очень странным. Обычно хозяева всегда дверь закрывали. Хоть район и благополучный, но знаете, как оно бывает...

– Знаю, – сдержанно подтвердил Щелкунов, – продолжайте.

– Я подхожу и громко так в пространство между косяком и дверью говорю: Марине Арсеновна, мол, у вас дверь неза-

перта! И что слышу в ответ? Полнейшее молчание! Я еще раз, уже погромче: «Марине Арсеновна, у вас дверь открыта!» По-прежнему мне никто не отвечает...

– А почему вы звали Марине Арсеновну? – задал вполне резонный вопрос майор Щелкунов. – А, скажем, не Фрунзика Рубеновича? Ведь все-таки он хозяин квартиры, а потом, и мужчина.

– Так он в это время всегда на работе, – последовал ответ, который начальнику отдела по борьбе с бандитизмом показался почему-то не заслуживающим доверия.

– А супруга что, не работает?

– Она домохозяйка, – прозвучал ответ.

– Ясно... А где она сейчас, вы не знаете?

– Нет.

– Понятно, – черкнул карандашом в записной книжке Виталий Викторович и добавил: – Продолжайте, пожалуйста. Значит, вы позвали супругу хозяина квартиры...

– Да... Никто, стало быть, не отвечает, – продолжил Вениамин Демьянович. – Я заволновался, думаю, не случилось ли чего. Приоткрываю дверь пошире и осторожно так захожу в прихожую. Прохожу ее, и что я вижу в зале? А вижу я перевернутый стол с оторванными ножками, комод с раскрытыми ящиками, будто в них кто-то копался, и... – свидетель как-то странно округлил глаза, добавил: – Фрунзика Рубеновича. Он лежит на спине и удивленно так смотрит в потолок. И под ним растекается лужица крови... – Оголь-

цов перевел дух и продолжил: – Я осторожно подошел к... Казаряну. А он мертвый уже. Вот так оно все было. Горестно осознавать случившееся... Еще вчера мы с ним на лестнице встретились, о каких-то пустяках переговорили, думали, что вся жизнь впереди, а оно вот как сложилось, – вскинул на Виталия Викторовича взгляд сосед-свидетель, заканчивая свое повествование. – «Скорую помощь» я вызывать не стал, посчитал, что незачем... И сразу позвонил в милицию. У меня ведь в квартире телефон...

– Все? – поинтересовался майор Щелкунов. – Ничего не упустили?

– Вроде бы все, – не сразу и как-то нерешительно промолвил Вениамин Демьянович.

– Тогда... – Виталий Викторович огляделся и, заметив следователя Зинаиду Кац, кивнул в ее сторону: – Вон к товарищу лейтенанту подойдите. Она запишет ваши показания...

Мужчина в пижаме, соглашаясь, кивнул, но остался стоять на месте, переминаясь с ноги на ногу. Майор Щелкунов немного удивленно посмотрел на него и поинтересовался:

– Вы еще что-то хотели сказать?

– Даже не знаю, как и начать-то, – нерешительно промолвил Вениамин Демьянович, глядя в пол.

– Да уж как-нибудь скажите, – поторопил его Виталий Викторович.

Какое-то время Огольцов еще размышлял, а потом про-

изнес, ни к кому не обращаясь:

– Вот ведь, не хотел же говорить. И в то же время нельзя не сказать.

– Говорите, я слушаю вас, – спокойно, но одновременно очень настойчиво потребовал майор Щелкунов.

– Теперь уж придется, да, – поднял наконец голову горбоносый мужчина в полосатой пижаме, замер и посмотрел майору милиции прямо в глаза: – Видел я его...

– Кого? – поднял брови Виталий Викторович.

– Фрунзика Казаряна, – твердо ответил Вениамин Демьянович, и взгляд его сделался каким-то блуждающим.

– Ну, коли вы соседи, то, конечно, видели, – согласился майор Щелкунов. – Я полагаю, и не раз.

– Это смотря когда видеть, – с загадочной интонацией произнес Вениамин Демьянович и прищурился.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился Виталий Викторович.

– А то, что Фрунзика Казаряна я видел тогда, когда шел домой, – последовал четкий ответ.

– И что с того, – сразу не понял, о чем идет речь, майор Щелкунов.

– Да то, что, когда я шел домой, его увидел... А через пару минут я уже обнаружил труп Фрунзика Рубеновича у него в квартире.

– Вы хотите сказать, что Казарян попался вам на встречу? – удивившись, переспросил Виталий Викторович.

– Именно это я и хочу сказать.

– И как же это может быть?

– А вот не знаю!

– Может, вы его с кем-то спутали или это был человек, очень похожий на Казаряна?

Огорошить или чем-то сильно удивить Виталия Щелкунова было проблематично. Повидал он всякого, порой трудно-объяснимого или вообще не поддающегося разумной логике; курьезных случаев тоже было немало. Еще в бытность капитаном и старшим оперуполномоченным отделения милиции городского поселка имени Серго Орджоникидзе к нему в кабинет однажды заявился странный мужчина лет под шестьдесят и начал рьяно утверждать, что он его отец. Дескать, давным-давно он разошелся с его матерью, уехал из города, а вот теперь вернулся и разыскал его, своего сына. Даже тогда, услышав подобное, Виталий Викторович не пришел в замешательство, да и повода для растерянности не имелось (позже выяснилось, что этот мужчина был не в своем уме – причиной тому перенесенная тяжелая контузия, и Щелкунов являлся не первым, какового этот покалеченный дядька признавал своим сыном). Однако после последних слов свидетеля Огольцова Виталий Викторович оторопел. Первое, что пришло в голову: «А все ли в порядке с головой у этого Вениамина Демьяновича? Не заговаривается ли он, как тот дядька, что несколько лет назад объявил себя моим отцом?»

Майор Щелкунов внимательно посмотрел на горбоносого

соседа-свидетеля в полосатой пижаме. Тот выглядел вполне вменяемым, хотя его блуждающий взгляд заставлял несколько насторожиться. Однажды Виталий Викторович уже наблюдал подобный взгляд у одного фигуранта, которого нужно было то ли расстрелять без суда и следствия за то, что он сотворил, то ли положить в психбольницу и добросовестно пичкать его необходимыми медикаментами до полного излечения. Уже немало времени минуло, пора бы залатать душу, а из памяти тот трагический случай никак не выветривается...

* * *

Дело было из ряда вон выходящее. Двадцать второго декабря 1947 года где-то в половине второго ночи пенсионер Феклушин, проживающий в частном секторе Ягодной слободы, услышал крики о помощи, доносившиеся с территории соседнего дома. Обеспокоенный Феклушин вышел из дома и увидел возле соседской воротной калитки человека в крови. По всей видимости, он был серьезно ранен. Приблизившись к потерпевшему, пенсионер Феклушин узнал в нем своего соседа Федора Богданова. Тот сообщил, что на него напали двое бандитов, от которых он сумел отбиться. Когда подошли еще несколько соседей, пострадавшего подняли и отнесли в дом. Чтобы не будить детей – именно так попросил Богданов, – его уложили на лавку в сенях.

Детей у Федора Богданова было четверо. Все дочери, самой старшей из которых было двенадцать лет. На ней – жена Федора умерла за пару месяцев до войны от туберкулеза – держалось практически все хозяйство. Остальным трем дочерям было десять, восемь и семь годков. И все военные годы Богданов как мог тянул четверых детей в одиночестве. Как эта семья выжила – заслуга отца. Случалось, что лепешки из лебеды с малой долей мерзлого картофеля считались едва ли не праздником для детей и их отца. Потому как на иждивенческие продовольственные карточки с нормой хлеба четыреста граммов в день, да еще с частыми перебоями поставок в город хлеба – чем оправдывались руководители пунктов выдачи продуктов, когда отоваривание карточек срывалось, – как-то не разгуляешься. А послевоенный сорок шестой год выдался настолько голодным, что младшенькая сестренка едва не померла. Спасли моллюски. В натуральном смысле этого слова: дочери Федора ходили на берега Волги и Казанки и собирали двустворчатых моллюсков, которые потом варились в кипятке. Вкусно не было – мускул всего-то один, крошечный, остальное – складка стенки тела да жабры, но то, что получалось, было каким-то подобием еды, не позволявшим умереть с голода.

Когда Богданова уложили на лавку, одна из соседок решила проведать спящих детей. Вышла из комнаты заикающаяся и блее мела. «Там... там...» – повторяла она дрожащими губами, не в силах что-либо добавить... Как оказалось, все

дети были жестоко убиты...

Немедленно отправили за участковым. Тот вскоре пришел, задал свидетелям несколько вопросов, каковые следует задавать в подобных случаях, а потом зашел к детям. Когда он вышел – его буквально всего трясло: все девочки были сильно изранены и избиты, у всех были проломлены черепа, а также имелись многочисленные ножевые ранения. Так не мог поступить человек – только лютый зверь. Кое-как участковому уполномоченному удалось допросить Федора Богданова. Тот поведал, что пришел домой поздно ночью, поскольку засиделся у друга. Когда он открыл калитку, то на него кто-то напал и нанес три ножевых ранения. Федор все же стал сопротивляться, но кто-то второй, которого он не сумел разглядеть, ударил его сзади по голове, отчего Богданов потерял сознание. Когда очнулся, позвал на помощь. Так его и нашли соседи...

Когда дело попало в руки майора Щелкунова, он, разумеется, начал с допроса Федора Богданова, главного свидетеля. К этому времени тот сумел прийти в чувство, раны его оказались неопасными, хотя, по словам врачей, он потерял значительное количество крови, и не позови он на помощь и не услышь его старик Феклушин, все могло бы кончиться еще более трагически. Богданов повторил показания, что дал участковому уполномоченному в ночь покушения на него и детей двумя неизвестными. Когда Виталий Викторович заговорил о детях, Богданов едва сдерживался, чтобы не

завыть белугой, и был явно на грани потери сознания. Все вроде бы сходилось. Отца, лишившегося малолетних дочерей, было безумно жаль. Но что-то неясное, основанное на интуиции, а отнюдь не на уликах, вызывало у майора Щелкунова серьезные сомнения.

Почему нападение было совершено именно на дом Богданова? Что там имелось ценного? Ведь всей слободе было известно, что Богдановы даже концы с концами не всегда сводят?

Почему никто из жителей слободы не заприметил чужаков? Ведь Ягодная слобода без малого настоящая деревня, а в деревне за версту видно пришлых.

А еще настораживали глаза Федора Богданова: взгляд у него отяжелевший, отсутствующий и одновременно какой-то блуждающий, неспособный даже на пару мгновений сосредоточиться на каком-нибудь предмете. И чем больше Виталий Щелкунов занимался этим страшным преступлением, тем больше возникало неясностей. К примеру, судебно-медицинские эксперты установили, что ножевые ранения девочкам были нанесены уже после их смерти, когда трупы уже начали коченеть.

Зачем это было сделано? С какой целью?

Вскоре отыскался нож, которым наносились посмертные раны девочкам, а еще именно им трижды был ранен Федор Богданов. Только вот почему с его рукоятки были стерты отпечатки пальцев? Преступникам легко было просто поло-

жить нож в карман, где он до этого и лежал, а не бросать его близ дома, чтобы его потом отыскиали. Получается, что стерли отпечатки не злоумышленники. Тогда невольно возникает следующий вопрос: «Кто именно?» Сделать это мог только единственный человек... Сам Богданов!

В сделанные выводы трудно было поверить. Как же это так?! Ну просто не может такого быть! Все годы войны и два трудных последующих Федор, как и подобает любящему отцу, тащил как мог детей на себе. Почти в буквальном смысле этого слова. Все делал для них, работал и жил на износ, от себя отрывал последний кусок, только чтобы спасти девочек от голодной смерти! А тут такое... Вдруг взял и убил? И инсценировал нападение на детей и на себя с ножом?

Что случилось? Кончились силы? Надорвался? Или, что самое вероятное, тронулся рассудком?

Такое вполне могло произойти – война до сих пор продолжает убивать тех, кому посчастливилось в ней уцелеть. Как будто бы мстит им! Неужели это тот самый случай?

Нанесение ножевых ранений дочерям, уже мертвым, в таком случае вполне объяснимо: в припадке умопомрачения Богданов убил детей, а потом пришел в себя, понял, что совершил ужасное, конечно, испугался. После чего пошел к приятелю в надежде обеспечить себе алиби, а дальше инсценировал нападение на детей и себя, нанеся раны ножом уже мертвым детям и потом себе.

Возникла необходимость получить больше информации

о самом Федоре Богданове: что он за человек, чем дышал, как жил с женой, как относился к детям и прочие сведения, которые пролили бы свет на самую его личность. В кратчайшее время нужные сведения добыли лейтенант Зинаида Кац и старший оперуполномоченный капитан Валентин Рожнов. Оказалось, что Федор Богданов, случалось, жену побивал, причем сильно. Об этом поведали соседи, которые слышали из дома Богдановых крики женщины и видели на теле жены Федора синяки. И в том, что она так скоро сошла в могилу, есть и его немалая заслуга. Через месяц после смерти жены он сошелся с женщиной, с которой хотел проживать дальше, но получил от нее категорический отказ. Мол, слишком большое у тебя приданое. Так ответила она, имея в виду его четырех дочерей. Словом, майор Щелкунов перед новым допросом Федора Богданова учел все, что о нем узнал, и все неясности в этом деле решил использовать и непременно о них допрашиваемого расспросить. Однако все же этого было маловато, чтобы припереть преступника к стенке. И тогда Виталий Викторович, уверенный, что Федор Богданов и есть убийца своих дочерей, решил пойти на хитрость. На допросе он заявил, что на найденном оружии преступления – ноже – сохранился один-единственный отпечаток пальца. И что когда у него, Федора Богданова, снимут отпечатки пальцев и сравнят их с найденным на ноже, то отпечатки непременно совпадут. И он, майор полиции Виталий Щелкунов, в этом абсолютно уверен.

Какое-то время Федор Богданов мрачно молчал. На его поседевшем виске мелко билась тонкая синяя жилка. Потом, глядя мимо майора Щелкунова, он дал признательные показания. «Да, это я убил дочек... Подумал о бабе, которая мне отказала из-за детей, ну и... само как-то получилось. Мало что от этого помню, все было как в тумане. Затмение на меня какое-то нашло. А потом, когда помутнение пропало, то я увидел, что натворил. И стал, как мог, заметать следы...»

Признавался он как-то отрывисто, словно отдавал команды. На его виске продолжала биться синяя жилка, а взгляд по-прежнему блуждал. Кажется, Богданов был не в себе...

* * *

– Не верите... – без малейшего намека на вопросительную интонацию произнес Вениамин Демьянович. – Я так и подумал! Психически ненормальным меня считаете, да? Мол, тронулся умом Вениамин Демьянович, чего его тут слушать? Ведь так? – Взгляд свидетеля Огольцова перестал блуждать. – Поэтому и не хотел говорить вам про Казаряна...

– Ну, психически больным вас никто не считает, – вполне искренне сказал Виталий Викторович, тщетно пытаясь поймать его блуждающий взгляд. – Но, согласитесь со мной, то, что вы рассказали про Казаряна, как-то плохо вяжется с реальными событиями и фактами... Не могли бы вы еще раз и более обстоятельно рассказать о своей случайной уличной

встрече с потерпевшим Фрунзиком Казаряном, – попросил майор Щелкунов, полагая, что мужчина в полосатой пижаме одумается и даст совсем иные показания, более правдивые, в которых он не станет упоминать убитого Казаряна, обнаруженного на полу в его же квартире. Тогда все встанет на свои места: пропадут неясности, исчезнут загадки, столь сильно мешающие действенной оперативно-разыскной работе.

– Могу, отчего же... Мне это несложно, несмотря на всю парадоксальность ситуации, – промолвил Вениамин Демьянович и, набрав в легкие воздуха, начал говорить: – Сегодня, около двух часов дня, а может, в самом начале третьего, прикупив в гастрономе на Карла Маркса хлеба и колбасы, я возвращался домой. Когда до моего подъезда осталось шагов семь-восемь, гляжу, из подъезда выходит Казарян и направляется мне навстречу. Я ему громко: «Здравствуйте, Фрунзик Рубенович». Он сдержанно кивает и проходит мимо меня как-то бочком, но я все же успеваю его рассмотреть. Вне всякого сомнения, мне повстречался не кто иной, как мой сосед по лестничной площадке Казарян Фрунзик Рубенович. Я захожу в подъезд, поднимаюсь на второй этаж и вижу, что входная дверь в квартиру Казарянов приоткрыта. Я зову хозяйку – только она в это время может находиться дома, – никто не откликается. Я решаю зайти в квартиру, прохожу прихожую – никого. Захожу в зал и вижу опрокинутый стол, комод с выдвинутыми ящиками и... Казаряна. Он лежит в луже крови. Мертвый...

– И вы идете в свою квартиру и оттуда вызываете милицию... – в некоторой задумчивости продолжил майор Щелкунов.

– Совершенно верно, так оно и было...

Начальник отдела по борьбе с бандитизмом городского Управления МВД помолчал. Вспомнился участливый взгляд подполковника Фризина, когда он поручал ему «дело с какой-то подоплекой». Вот она, эта скрытая причина! Как будто он отправлял Виталия Викторовича в дорогу, грозящую одними неприятностями, а возможно, и чем-то похуже. Теперь стало ясно, что Абрам Борисович имел в виду, когда говорил: «Ты сумеешь нам прояснить, что там происходило в действительности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.